

REFERENCES

1. Mamigonov V.G, Mamigonova T.A. Pedagogicheskie igry: sodержanie I vozmozhnosti [Pedagogical games: content and opportunities] // Soviet pedagogy. 1981. № 2. – p. 96–101.
2. Abdrakhmanova L.V. Formirovanie inoyazychnyh kommunikativnyh umenij u studentov tekhnicheskogo vuza v protsesse realizatsii professional'no-diskussionnoj igrovoj tekhnologii: monografiya [The formation of foreign language communicative abilities at a technical college in the course of implementation of the professional discussion gaming technology: a monograph]. Samara: SamGups, 2010. – p. 36–37.
3. Andreeva G.M. Sotsial'naya Psikhologiya: uchebnik [Social Psychology: a textbook]. M.: MGU, 1980. – 440 p.

Original article submitted 06.05.16;
revision submitted 20.05.16

УДК 378

ЭПИСТЕМИЧЕСКИЕ СОБЫТИЯ И СОСТОЯНИЯ

Л.Н. Юровицкая¹, В.В. Доброва²

Самарский государственный технический университет
443100, г. Самара, ул. Молодогвардейская, 244
E-mail: victoria_dob@mail.ru

Проводится анализ, выявление сходств, различий и взаимосвязей некоторых эпистемических состояний и характеристика концептуального поля «Эпистемические состояния». Применяется методика когнитивного моделирования, разработанная проф. В.М. Савицким. Выявляется признаковый состав (содержание), денотативная область (объем) и структурная соотнесенность рассматриваемых понятий.

Ключевые слова: концептуальное поле, эпистемические состояния, когнитивная позиция, ментальная модель, логический оператор.

На рубеже тысячелетий сформировалась гуманистическая парадигма лингвистических изысканий, в рамках которой феномены ментальности, культуры и языка стали изучаться в комплексе единой системы инструментальных категорий семиотики и когнитивной науки. В эту область исследо-

¹ Лариса Николаевна Юровицкая, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков.

² Виктория Вадимовна Доброва, кандидат психологических наук, заведующая кафедрой иностранных языков.

ваний входит концептология, применяющая обширный методологический аппарат в целях исследования механизмов отражения категорий сознания и культуры в семантике языковых знаков и моделей построения речевых единиц. Одним из наиболее сложных и интересных объектов когнитивных исследований являются эпистемические состояния, с которыми связана интеллектуально-познавательная деятельность человека, направленная на осмысление фрагментов действительности и формирование отношения к ним. Изучая мир вокруг себя и себя в нем, размышляя по поводу собственного познания, человек переходит на метауровень философской рефлексии, и важным шагом на этом пути является моделирование собственных ментальных процессов в их связи с семантикой стоящих за этим языковых знаков.

В трудах по логической и лингвистической семантике используется система категорий, служащих для описания объектной области когнитивного моделирования. Исходной категорией при когнитивном моделировании эпистемических состояний выступает «положение дел», которое О.Н. Селиверстова определяет как «то, что может иметь место в каком-либо мире» [1, с. 8]. Эта категория характеризуется максимально широким охватом реальности. С ее помощью описывается все сущее не только в материальном, но и в духовном мире (индивидуальной и коллективной ментальности). Положение дел «подразумевает существование предмета, наличие у него того или иного бытийного признака, какое-либо отношение между предметами, положение предметов в пространстве и времени, действие, процесс, явление, факт, событие, ситуацию и т. п.» [2, с. 21]. Элементарные положения дел условно делятся на два вида: *события* и *факты* [3]. Событие – это то, что протекает во времени, факт же рассматривается безотносительно временного интервала. Разновидностью события является *состояние*, под которым понимается некий модус существования объекта, характеризующийся определенным набором параметров.

События, происходящие в когнитивном мире, Р. Акофф и Ф. Эмери называют *когнитивными событиями* [3, с. 69]. К их числу относятся перцептивные, эмотивные, интенциональные и эпистемические события (мыслительные акты, воспоминания, осознание и узнавание чего-либо, акты воображения, акты понимания и т. п.). Разновидностью эпистемических событий являются эпистемические состояния, то есть те события данного вида, которые нельзя назвать ментальными действиями (операциями), так как они суть не акты обработки информации, а ее результаты. Например, если сложение чисел в уме есть ментальная операция (арифметическое действие), то результирующее знание суммы есть эпистемическое состояние. Аналогичным образом попытка понять труднодоступный смысл чьего-либо высказывания – это ментальная операция, а ее результат – понимание смысла – это эпистемическое состояние.

В число эпистемических состояний входят знание, осведомленность, полагание, убеждение, мнение, вера, уверенность, допущение, сомнение, понимание (в вышеупомянутом смысле), ожидание (экспектация), предвидение (прогноз), предположение, воспоминание (как результат восминания). Отметим, что «эпистемические состояния могут сопровождаться соответствующими эмоциональными состояниями. Эта связь отражена в таких устойчивых речениях, как *радостное ожидание, мучительное сомнение, страстная вера, горькое понимание, счастливое воспоминание* и т. п.» [4, с. 264].

Рассмотрим когнитивное содержание эпистемических состояний. Оно является ментальным отражением какого-либо фрагмента действительности, его когнитивной моделью, результатом обработки данных сенсорного восприятия, совмещающим в той или иной пропорции рационально-мыслительный и чувственно-образный компоненты. Необходимым условием эпистемического состояния служит располагание некоторой порцией сведений, активированной в сознании и существующей в кодовой (сенсорной, вербальной, схематической) форме. Специфика каждого эпистемического состояния определяется, в числе прочего, характером когнитивного отношения субъекта к этим сведениям, то есть тем, какую логическую или эпистемическую модальность он им приписывает; эти модальности выражаются в логике операторами «истинно», «ложно», «возможно», «невозможно», «вероятно», «невероятно», «достоверно», «недостоверно», «маловероятно» и др. Приписывание той или иной модальности, в свою очередь, определяется степенью надежности источника сведений (по оценке субъекта), а также психологическими и культурологическими факторами.

Оговоримся, что, рассматривая эпистемические состояния с логических позиций, мы оперируем их *логическими понятиями*, носящими интернациональный научный характер и лишенными этнокультурной и этноязыковой специфики [5, с. 87]. В качестве исходного нами принято широкое по объему понятие «когнитивная позиция». Занимать когнитивную позицию в отношении положения дел Р – значит, в общем случае, приписывать ему ту или иную логическую, эпистемическую, деонтическую, аксиологическую, временную либо онтологическую модальность.

В нашей модели когнитивная позиция – единица иного порядка, нежели остальные эпистемические понятия: она относится не непосредственно к Р, а к модальности Р (вероятности, возможности достоверности Р и т. д.). Собственно говоря, когнитивная позиция – это *суждение*, но не в форме внешнего вербального высказывания, а в форме ментального состояния. Это – эпистемическая оценка сведений. Строго говоря, его следовало бы обозначить глаголом *судить* (*о чем-либо*), но по стилистическим соображениям мы вслед

за Ю.Д. Апресяном [6] обозначаем его глаголом *считать* в значении «судить, занимать когнитивную позицию».

Понятие *знание* освещено в весьма обширной логической и лингвистической литературе [6–11 и мн. др.]. Знание нельзя в общем случае определить как истинное полагание (в формализованной записи: (х ПОЛАГАЕТ Р) И (Р)). Подчеркнем еще раз: на наш взгляд, знать – значит полагать, что некие сведения стопроцентно достоверны, так как они почерпнуты из источника, общепризнанного как совершенно надежный. Однако нет полной гарантии того, что все эти источники действительно (объективно) совершенно надежны. Знание нельзя отождествлять с осведомленностью, то есть с распоряжением информацией. Это еще не суждение субъекта. Информация как таковая сама по себе не имеет эпистемической модальности. Если субъект не судит о степени достоверности какой-либо информации, он обычно ссылается на ее источник («Мне сказали...», «Говорят, что...», «Я читал, что...» и т. п.), перекладывая на него ответственность за соответствие действительности («За что купил, за то и продаю»).

Убежденность отличается от знания тем, что она основывается на высокодостоверных, но все же косвенных подтверждениях и доказательствах, не относящихся к списку тех, на которых базируется знание. Убежденность возникает в результате почти полной, но все-таки не совсем полной индукции. Убежденность субъективна; ее высокая степень не всегда находится в прямой пропорции с объективной достоверностью (вероятностью истинности) сведений. Так называемая популярная индукция на основе малой выборки нередко приводит к недостаточно обоснованной убежденности, обусловленной не логическими, а психологическими причинами. В этом аспекте убежденность сближается с верой.

Помимо индукции, убежденность может быть основана на умозаключении по аналогии. Говоря в целом, выражение «х УБЕЖДЕН, ЧТО Р» означает: субъект считает, что Р истинно (или, по крайней мере, наверняка истинно), поскольку этому есть достаточно (по мнению субъекта) редуктивных подтверждений и доказательств.

Вера зиждется не на доказательствах (или, по крайней мере, они в ней не главное). Она основана на высоком идейном авторитете источника в глазах субъекта, а также в ряде случаев на таком психологическом явлении, как принятие желаемого за действительное. Вера (в строгом смысле этого слова) в той или иной мере иррациональна, так как доказательства для нее нерелеванты или малорелевантны. Логика здесь отступает на задний план. Вспомним знаменитый парадокс *Credo quia absurdum* – «Верую, ибо нелепо». Идейная (религиозная, социально-политическая и иная) вера обладает боль-

шим аксиологическим зарядом. Она характеризуется высокой ценностью для субъекта несмотря на ее порой шаткие онтологические основания. Формула «х ВЕРИТ, ЧТО Р» означает: субъект считает, что Р истинно, несмотря на нехватку или даже отсутствие рационалистических подтверждений. В отличие от убеждения, основанного на популярной индукции, вера, как уже упоминалось, базируется в первую очередь на авторитете и ценности. Впрочем, эти эпистемические состояния иногда сближаются: вспомним, например, евангельского Фому, который поверил в божественность Иисуса после того, как получил тому реальное подтверждение. В данном случае вера комбинирована с рациональной убежденностью на фактологической основе. Говоря в целом, эпистемические состояния часто сближаются, переплетаются и переходят друг в друга; поэтому их наименования в той или иной мере амбиваленты и в некоторых контекстах взаимозаменяемы.

У убежденности весьма узок вероятностный диапазон; он составляет примерно 90–100 %. Ниже находится *уверенность*, примерно 70–90 %, которая столь же рациональна, сколь и убежденность (на наш взгляд, убежденность можно считать высшей степенью уверенности). У *веры* этот диапазон гораздо шире.

Рассмотрим далее понятие *полагание*. Теоретически оно подразумевает неопределенную степень вероятности Р, однако на практике эта степень обычно выше 50 % и ниже, чем у уверенности. Формула «х ПОЛАГАЕТ, ЧТО Р» означает: субъект считает, что Р имеет позитивную вероятность (на практике обычно выше 50 %), например : «Я полагаю (= думаю), что на улице холодно». Содержание полагания обычно бывает выводом из редуктивных рассуждений на основе фактов (вряд ли правильно сказать: «Я полагаю, что на Земле живут люди», поскольку это очевидный, а не выводной факт). *Предположение* весьма близко к полаганию, отличаясь от него, пожалуй, большей рассудочностью и меньшей интуитивностью; кроме того, приставка *пред-* подчеркивает *исходность*, предварительность предположения (ср. греч. Thesis – букв. «положение» и hypothesis – букв. «положение под (чем-либо)», т. е. «основа»; лат. positio – букв. «положение» и propositio/praepositio – букв. «пред-положение»).

Словам *полагать (что...)*, *думать (что...)* в вышеуказанном значении синонимично выражение *иметь мнение*. Первоначально слово *мнение* (от глагола *мнить*) обозначало эпистемическое состояние ложного полагания. Отголоски этого значения сохранились в словах *само мнение*, *мнимый* и в выражении *возмнить о себе*. Ныне, однако, слово *мнение* обозначает содержание полагания («Я полагаю, что Р» = «По моему мнению, Р»), которое вовсе не обязательно ложно.

Допущение есть приписывание Р эпистемической модальности возможности, понимаемой в том смысле, что вероятность Р выше нуля. Допуская возможность Р, мы лишь имеем в виду, что Р не является невозможным, и не более того. Однако на практике, употребляя слово *возможно* как вводное, говорящий зачастую имеет в виду примерно среднюю вероятность Р («возможно Р, а возможно не Р»; здесь Р и не-Р приблизительно равновероятны). Тем не менее выражение «х ДОПУСКАЕТ, ЧТО Р» в строгом смысле означает: субъект считает, что Р не невозможно.

В науке допущение иногда называют верой, но не в религиозном, а в рационалистическом смысле. Некоторые недоказанные гипотезы принимаются учеными на веру; ими оперируют как знанием. Если впоследствии гипотеза доказывается, она переходит в разряд знания, а если опровергается, то перестает приниматься на веру. Ученые отдают себе отчет в условности научной веры. Если для религии утрата веры – это катастрофа, то в науке это нормальное явление, сопровождающее прогресс познания.

Прогноз, ожидание и воспоминание имеют временной параметр. Прогноз – это ментальная модель будущего положения дел, построенная путем переноса в будущее данных о динамике событий прошлого и настоящего. Прогноз – это временная экстраполяция тенденций. Независимо от степени субъективной уверенности автора прогноза его объективная вероятность (которую можно вычислить) всегда ниже 100 %, так как невозможно учесть все факторы, релевантные для моделирования будущего положения дел. Будущее поливариантно, и вероятность того или иного его варианта меняется по мере учета все новых факторов и тенденций развития. Поэтому прогноз – это не провидение, а всего лишь вероятностное *полагание* о будущем положении дел, рационалистический конструкт, основанный на данных прошлого и настоящего опыта, в той или иной мере отличный от того будущего, которое впоследствии наступает и становится настоящим.

Ожидание (экспектация) – это сочетание прогноза с интенцией субъекта, обычно сопровождаемое эмоциональным отношением к прогнозируемому событию. Желанное событие ожидают с надеждой, а нежеланное – со страхом. Прогнозируемое событие ожидается в той мере, в какой оно значимо для субъекта. Если субъект к нему равнодушен, он вряд ли пребывает в состоянии ожидания. Например, все знают, что ясной ночью взойдет луна, но путник ее ожидает (она осветит ему путь), а домосед – нет (ему все равно).

По методике В.М. Савицкого [3], ожидание можно в общем случае описать формулой «х ОЖИДАЕТ Р = (х ХОЧЕТ / НЕ ХОЧЕТ Р) И (х ПРОГНОЗИРУЕТ Р)». Эмотивное событие «надежда» описывается формулой «х НАДЕЕТСЯ, ЧТО Р = х ПЕРЕЖИВАЕТ + (х ОЖИДАЕТ Р)». Страх противоположен надежде: «х БОИТСЯ, ЧТО Р = х ПЕРЕЖИВАЕТ - (х ОЖИДАЕТ Р)».

В обыденной речи высказывание «Я этого не ожидал» фактически подразумевает не то, что говорящему безразлично Р, а то, что он не прогнозировал Р, не допускал, что Р произойдет. Однако по стилистическим причинам так обычно не говорят. «Не ожидал» здесь логически неточно, но, впрочем, вполне понятно и допустимо.

Если расчетная погрешность прогноза пренебрежимо мала, его на практике условно приравнивают к знанию будущего положения дел: «х ЗНАЕТ (Р ∈ t₂) ∈ t₁». В этом случае, ожидая событие, субъект переживает не надежду, а *предвкушение*: «х ПЕРЕЖИВАЕТ + (х ХОЧЕТ Р) И (х ЗНАЕТ (Р ∈ t₂)) ∈ t₁», и не страх, а *огорчение, гнев, отчаяние* и т. п.: «х ПЕРЕЖИВАЕТ - (х ХОЧЕТ НЕ Р) И (х ЗНАЕТ (Р ∈ t₂)) ∈ t₁». Рассматривая условно-детерминированное ожидание с точки зрения субъекта, оператор ЗНАЕТ в этих формулах следует заменить на УБЕЖДЕН.

Человек устроен так, что, с одной стороны, он вечно ожидает от жизни «подвоха» (всякое верное дело может сорваться), а с другой стороны, даже в безнадежной ситуации склонен уповать на благополучный исход. Человек в целом – не твердокаменный фаталист: живя в вероятностном мире, он интуитивно ощущает ненадежность любого (позитивного и негативного) прогноза. Предвкушение у него обычно перемежается с опасением, а отчаяние – с надеждой. Такова психологическая сторона эмотивно-эпистемических состояний.

Воспоминание есть активация в сознании субъекта фрагмента сведений, хранящихся в его памяти (или, используя психоаналитический термин, в его предсознании). В житейском смысле слово *воспоминание* относится в основном к личному прошлому чувственному опыту (к тому, что человек сам видел и в чем, возможно, участвовал), но в логическом смысле оно обозначает эпистемическое состояние, содержанием которого является любой поступивший из памяти в сознание информационный блок. В терминах компьютерной метафоры воспоминание можно назвать «раскрытием файла» человеческой памяти, а воспоминание, извлеченное с помощью мнемотехнического ключа, – «разархивированием файла».

Если ввести оператор ОСОЗНАЁТ (= активирует в сознании), то воспоминание можно формально описать так: «х ВСПОМИНАЕТ Р = (х ОСОЗНАЁТ (х РАСПОЛАГАЕТ СВЕДЕНИЯМИ (Р ∈ t₁))) ∈ t₂». Порядок следования временных индексов здесь обратен тому, который имеет место в формуле прогноза. Прогноз – рационалистическая модель будущего; воспоминание – мнемическая модель прошлого.

Понятие *сомнение*, как уже отмечалось, трактуется Ю.Д. Апресяном как когнитивная позиция по отношению к положению дел Р, состоящая в том, что «скорее не Р» [6, с. 627]. При такой трактовке сомнение противоположно

полаганию (когнитивной позиции, согласно которой «скорее Р»). Тогда достоверность сведений, подвергаемых сомнению, ниже 50 % (в случае с полаганием она выше 50 %). По В.М. Савицкому, «(х СОМНЕВАЕТСЯ, ЧТО Р = х ПОЛАГАЕТ (ВОЗМОЖНО (НЕ Р)))» [3, с. 35]. Если принять, что уверенность подразумевает вероятность $P > 50 \%$, а сомнение – $P < 50 \%$, то получится, что данное высказывание означает: «Он считает, что вероятность Р больше и меньше 50 %», что является нарушением логического закона непротиворечия, или, в формализованном виде, $\sim [P \wedge \sim P]$ («Неверно [Р и не-Р] »). Значит, это высказывание аналитически ложно.

Формула «ВОЗМОЖНО (НЕ Р)», как было показано выше, есть всего лишь *допущение* возможности не-Р, то есть, что вероятность Р выше нуля (и не более того). Но оно характерно не только для сомнения, но и для уверенности, и для веры. Таким образом, эта дефиниция слишком широка для сомнения.

Трактовка сомнения в Р как убежденности в не-Р противоречива: убежденность по определению отменяет всякое сомнение. Убежденность и сомнение принципиально несовместимы, так как первая носит детерминированный, а второе – вероятностный характер. Убежденность в не-Р не допускает вероятности Р выше нуля, а сомнение в Р ее допускает. Поэтому сомнение в Р не может быть определено как убежденность в не-Р. Мы предлагаем следующую этимологическую версию для слова *сомнение*. Значение префикса *с(о)-*, на наш взгляд, здесь имеет общую сему со значением префикса *от-* (ср.: *сойти/отойти, сдвинуть/отодвинуть, слететь/отлететь* и т. п.) и префикса *у-* (ср.: *сбежать/убежать, стащить/утащить, съехать/уехать* и т. п.). Это сема движения в сторону, удаления, отклонения. «Со-мнение» буквально (по своей внутренней форме) означает отклонение от мнения, то есть от когнитивной когнитивной позиции в отношении Р. Это ключ к содержанию данного понятия. В общем случае сомнение отличается от мнения не суждением о степени вероятности Р (ниже/выше 50 %), а негативным характером когнитивной позиции, притом что как мнение, так и сомнение имеют вероятностную модальность, степень которой, вообще говоря, неопределенна, но в частных случаях, действительно, может быть соответственно выше и ниже 50 %. При полагании (содержанием которого является мнение) в фокус внимания выдвигается истинность Р (какова бы ни была ее вероятность), а при сомнении – неистинность Р (какова бы ни была ее вероятность). Полагание (уверенность, вера) и сомнение дополняют друг друга: на вероятностной шкале на долю сомнения остается та ее часть, которая не занята полаганием (уверенностью, верой). Полагание (уверенность, вера), в отличие от убежденности, автоматически подразумевает (имплицитует) определенную долю сомнения, но в этих эпистемических состояниях сомнение не выводится в фокус внимания. Аналогичным образом, сомнение имплицитует полагание

(уверенность, веру), но в этом эпистемическом состоянии внимание на них не заостряется. Подчеркнем еще раз, что полагание, уверенность, вера, убежденность в P – это *позитивные когнитивные позиции*, в то время как сомнение и неуверенность в P , а также убежденность в не- P – это *негативные когнитивные позиции*.

В этом, на наш взгляд, состоит основное различие между перечисленными эпистемическими состояниями, а преобладание вероятности P («скорее P , чем не- P ») или вероятности не- P («скорее не- P , чем P ») – это не содержание эпистемических состояний, а их фактологическая и логическая мотивация, которая не обязательно детерминирует возникновение того или иного эпистемического состояния, так как существует еще и психологическая, и культурная мотивация. В частности, наличие или отсутствие веры обычно не связано с фактами и логикой. Человек может быть упорным в вере или неверии несмотря на достоверные и сильные логические контраргументы. Вот почему формула « x СЧИТАЕТ, ЧТО СКОРЕЕ НЕ- P » не всегда означает, что x сомневается в P .

Итак, вероятностные эпистемические состояния взаимодополнительны и делятся на позитивные и негативные. Качественная определенность того или иного из них обусловлена в первую очередь тем, «плюс» или «минус» выводится в фокус внимания, и лишь во вторую очередь – тем, в какой пропорции находится вероятность P и вероятность не- P .

Как уже отмечалось, мы живем в вероятностном мире. Незыблемость постулатов математики и дедуктивной логики искусственна. При их применении к живой жизни возникают погрешности, свидетельствующие о стохастическом характере всего сущего, включая даже фундаментальные законы природы, не говоря уже о законах общественного развития. Человек интуитивно ощущает это; поэтому на практике (а не в логической теории) даже в твердые убеждения время от времени вкрадывается некоторая доля сомнения, вызванного такими фактами, которые не согласуются с убеждениями. Вновь поступающие факты то подтверждают, то противоречат некоторой когнитивной позиции в отношении P . В диахронии происходит чередование позитивного и негативного эпистемического суждения о P , которое обычно называют *колебанием (хезитацией)*. Хезитацию иногда отождествляют с сомнением, но, строго говоря, хезитация – это не сомнение, а перемежение полагания (уверенности, веры) сомнением (неуверенностью), т. е. многократная смена когнитивных знаков «плюс» и «минус», попеременное выведение «плюса» и «минуса» в фокус внимания на основе учета сменяющихся аргументов «за» и «против» истинности P .

Рассмотрим далее понятие *понимание*, толкуемое не как ментальное действие (процесс раскрытия сущности или смысла явления), а как эпистемиче-

ское состояние (результат упомянутого процесса). Представляется возможным рассматривать понимание как наличие в когнитивном мире субъекта добытого аналитико-синтетическим путем смысла объекта (онтологического, прагматического, семиотического). В общем случае попытка понять явление действительности есть стремление к истине об этом явлении, то есть постижение его глубинного, сущностного смысла.

Понимание в рамках двузначной логики может оказаться ложным, поэтому ему нельзя в общем случае приписать двузначно-логическую модальность истинности. Однако, рассматриваемая с позиций теории познания, в которой используется и многозначная логика, истина всегда относительна, и всякое понимание есть частичное установление истины. С одной стороны, абсолютная истина недостижима, а с другой, абсолютная неверность суждения о сущности объекта не может быть названа пониманием; наоборот, это есть непонимание сущности объекта. Таким образом, понимание располагается между абсолютной истиной и полным непониманием, и ему, на наш взгляд, можно приписать эпистемическую (гносеологическую, а не двузначно-логическую) модальность частичной истинности. В каждом отдельном случае ее степень («глубина понимания») различна. Речь идет о степени соответствия ментальной модели оригиналу.

Понимание подразумевает наличие позитивной когнитивной позиции и в этом аспекте противостоит сомнению. В диахронии оно может чередоваться с сомнением, что было определено выше как гезитация.

От веры понимание отличается своим рационалистическим характером, а от убежденности, уверенности, полагания – тем, что оно в целом не подразумевает какой-либо оценки достоверности Р. Понимание может комбинироваться с этими эпистемическими состояниями: субъект может быть убежден, или уверен, или, по крайней мере, полагать, что его понимание смысла Р соответствует действительности, хотя следует оговориться, что по психологическим причинам люди склонны завышать адекватность своего понимания вещей.

Понимание, помимо адекватности, градуально по параметру четкости когнитивной картины объекта (оно бывает смутным, более или менее отчетливым, совершенно ясным), а также по степени охвата сущностных закономерностей (оно бывает поверхностным, более или менее глубоким, очень глубоким). Рассмотренные выше понятия принадлежат к числу размытых, то есть таких, чей признаковый состав (содержание) и денотативная область (объем) не вполне четко определены. Кроме того, не все они рядоположены; некоторые из них находятся «в разных плоскостях» когнитивного пропространства, так как составляющие их признаки бывают разнородными. В силу этого они частично пересекаются, а отдельные их модификации могут перетекать друг

в друга. Так, отчетливое воспоминание о событии, произошедшем с субъектом или на его глазах, приравнивается к *знанию* субъекта о том, что данное событие имело место: «Я это отлично знаю (=помню), потому что сам был тому участником/свидетелем». Как уже отмечалось, неверие в Р может быть приравнено к *убежденности* в не-Р или к недопущению возможности Р. *Прогноз* есть разновидность *полагания* (с временной модальностью будущего). *Понимание* тоже есть вид *полагания* (*уверенности, убежденности*) касательно смысла Р. Вера, с ее нехваткой эмпирической аргументации, в случае появления такой аргументации перерастает в *уверенность*. В отличие от формальной логики Аристотеля, в диалектической логике Гегеля «текучесть» понятий принята за основу теоретических построений (хотя бывают и «жесткие», ригидные понятия). Эта «текучесть» понятий, входящих в рассматриваемое нами поле, не позволяет разработать их строгое исчисление.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Селиверстова О.Н.* Семантические типы предикатов. – М.: Наука, 1982. – 365 с.
2. *Савицкий В.М.* Английская фразеология: проблемы моделирования. – Самара: Самарский университет, 1993. – 172 с.
3. *Ишмуратов А.Т.* Логический анализ практических рассуждений. – Киев: Наукова думка, 1987. – 137 с.
4. *Юровицкая Л.Н.* Интерпретационное поле и аксиологический статус концепта «сомнение» // Актуальные проблемы теории и методологии науки о языке. – СПб: ЛГУ, 2008. – С. 263–267.
5. *Огнев А.Н., Юровицкая Л.Н.* Некоторые теоретические аспекты проблемы сомнения и перспективы ее лингвистической экспозиции // Известия Самарского научного центра РАН. – 2004. – С. 84–87.
6. *Апресян Ю.Д.* Избранные труды в 2 т. Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография. – М.: Школа «Языки русской культуры», изд. фирма «Восточная литература», РАН, 1995. – 767 с.
7. *Вендлер З.* Факты в языке // Философия. Логика. Язык: Сб. науч. тр. – М.: Прогресс, 1987. – С. 293–317.
8. *Витгенштейн Л.* Философские исследования // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. – М.: Прогресс, 1984. – С. 79–128.
9. *Searle J.R.* Speech Acts: An essay in the philosophy of language. – N.Y.; L.: Cambridge Univ. Press, 1969. – 203 p.
10. *Ziff P.* Epistemic Analysis. A Coherence Theory of Knowledge. – Dordrecht: 1983. – 198 p.
11. *Wierzbicka A.* Semantics, Culture and Cognition. – N.Y., Oxford: 1992. – 346 p.

Поступила в редакцию 10.03.2016;
в окончательном варианте 15.04.2016

EPISTEMIC MENTAL EVENTS AND STATES

L.N. Yurovitskaya¹, V.V. Dobrova²

Samara State Technical University
244, Molodogvardeyskaya St., Samara, 443100
E-mail: victoria_dob@mail.ru

The article concentrates on exploring similarities, differences and correlation of some elements of epistemic mental state. It focuses on characterization of the whole conceptual field “Epistemic mental state”. Methodologically the investigation relies upon the theory of logical cognitive modeling, introduced by prof. Vladimir Savitsky. The essential features, denotation and the co-reference of the target notions are defined in the article.

Keywords: conceptual field, epistemic mental state, cognitive position, mental model, logical operator.

REFERENCES

1. Seliverstova O.N. Semanticheskie tipy predikatov [Semantic types of predicates]. M., Nauka Publ., 1982. – 365 p. (in Russian).
2. Savitsky V.M. Angliyskaya frazeologiya: problemy modelirovaniya [English phraseology: problems of modeling]. Samara, Samarskiy Universitet Publ., 1993. – 172 p. (in Russian).
3. Ishmuratov A.T. Logicheskiy analiz prakticheskikh rassuzhdeniy [Logical analysis of practical speech]. Kiev, Naukova Dumka Publ., 1987. – 137 p. (in Russian).
4. Yurovitskaya L.N. Interpretacionnoye pole I aksiologicheskii status koncepta “sommeniye” [Interpretation field and axiological status of concept “doubt”]. Aktualniye problem teorii I metodologii nauki o yazyke [Actual problems of theory and methodology of language study], Saint Petersburg, LSU, 2008. – Pp. 263–267. (in Russian).
5. Ognev A.N., Yurovitskaya L.N. Nekotorye teoreticheskie aspekty problem somneniya I perspektivy eie lingvisticheskoy ekspozitsii [Some theoretical aspects of problems of doubt and perspectives of it linguistic exposition]. Izvestiys Samarskogo Nauchnogo centra RAN [Issues of Samara Scientific Center of RAS], Samara, 2004. – Pp. 84–87 (in Russian).
6. Apresyan Yu.D. Izbrannyye trudy v 2 tomah. Tom 2. Integralnoye opisaniye yazyka I sistemnaya leksikografiya [Selected works in 2 volumes. Volume 2. Integral language description and system lexicography]. M., Yazyki Slavyanskoy Kul'tury Publ., 1995. – 767 p. (in Russian).

¹ Larisa N. Yurovitskaya, Cand. Phil. Sci., Associate Professor of Foreign Languages Department.

² Victoria V. Dobrova, Cand. Psych. Sci., Associate Professor, Head of Foreign Languages Department.

7. Vendler Z. Fakty v yazyke [Facts in language]. *Filosofiya. Logika. Yazyk [Philosophy.Logics. Language]*. M., Progress Publ., 1987. – Pp. 293-317 (in Russian).
8. Vитgenshtein L. Filosofskiye issledovaniya [Philosophical research]. New in foreign linguistics: Issue XVI. Linguistic pragmatics. M., Progress Publ., 1984. – Pp. 79–128 (in Russian).
9. Searle J.R. Speech Acts: An essay in the philosophy of language. N.Y.; L., Cambridge Univ. Press, 1969. – 203 p.
10. Ziff P. Epistemic Analysis. A Coherence Theory of Knowledge. Dordrecht, 1983. – 198 p.
11. Wierzbicka A. Semantics, Culture and Cognition. N.Y., Oxford, 1992. – 346 p.

Original article submitted 10.03.2016;
revision submitted 15.04.2016